

Франц Боас

Ум первобытного человека

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Ф82

Ф82 **Франц Боас**
Ум первобытного человека / Франц Боас – М.: Книга по Требованию, 2012. –
152 с.

ISBN 978-5-458-39684-4

ISBN 978-5-458-39684-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мы в праве предполагать, что, во-первых, успехи той или иной нации обусловлены, главным образом, ее исключительными способностями, и что, во-вторых, европейский тип, или, формулируя это понятие наиболее резко, северно-европейский тип — представляет высшую стадию развития человечества. Полезно выяснить эти пункты, прежде чем приступить к исследованию подробностей.

Относительно первого пункта можно сказать, что хотя успехи не служат непременно мерилом способностей, однако, представляется допустимым судить об одних по другим. Не была ли степень вероятности успеха одинакова для большинства рас? Итак, почему же у одной лишь белой расы развилась такая цивилизация, которая распространилась по всему миру, и по сравнению с которой все другие формы цивилизации представляются слабыми начатками, пресекавшимися в младенчестве или остановившимися и окаменевшими на ранней ступени развития? Не следует ли считать, по крайней мере, вероятным, что раса, достигшая высшей ступени цивилизации, была наиболее одарена, и что расы, оставшиеся на дне, не были способны подняться до более высокого уровня?

Чтобы найти ответ на эти вопросы, рассмотрим вкратце общий ход истории цивилизации, перенесемся мыслью за несколько тысячелетий до нынешнего времени, к той эпохе, когда цивилизация восточной и западной Азии находилась в младенческом состоянии. С течением времени эта цивилизация передавалась от одного народа к другому, при чем некоторые из народов, являвшихся представителями высшего типа культуры, отступали на задний план, тогда как другие занимали их место. Мы видим, что на заре истории цивилизация держалась в известных странах, в которых она усваивалась, то одним народом, то другим. При многочисленных столкновениях, происходивших в этот период, более цивилизованные народы нередко оказывались побежденными. Однако победители заимствовали культуру от побежденных и продолжали дело цивилизации. Таким образом, центры цивилизации перемещались в пределах ограниченных районов, и прогресс шел медленно или совсем приостанавливался. В этот период предки тех рас, которые ныне принадлежат к числу наиболее цивилизованных, ни в каком отношении не стояли выше таких первобытных людей, каких мы находим в настоящее время в странах, которых не коснулась цивилизация нового времени.

Имела ли цивилизация, достигнутая этими древними народами, такой характер, что мы могли бы считать эти народы более даровитыми, чем какую бы то ни было иную расу?

Прежде всего, мы должны иметь в виду, что ни одна из этих форм цивилизации не была продуктом гения какого-нибудь отдельного народа. Идеи и изобретения передавались от одного народа к другому, при чем, хотя сношения между ними отличались медленностью, однако, всякий народ, принимавший участие в развитии цивилизации в древние времена, вносил свою долю в общий

прогресс. Можно привести бесчисленное множество доказательств того, что идеи распространялись, пока народы находились в общении друг с другом, и что ни раса, ни язык, ни расстояние не могли ограничить этого распространения идей. Мы должны преклоняться пред гением всех народов, представителями какой бы группы — хамитской, семитической, арийской или монгольской — они ни являлись, так как все они содействовали развитию древних цивилизаций.

Теперь мы можем поставить вопрос, не выработали ли и другие расы равноценной культуры? Повидимому, цивилизация древнего Перу и центральной Америки выдерживает сравнение с древними цивилизациями Старого Света. В обоих случаях мы находим стоявшую на высокой ступени развития политическую организацию, разделение труда и сложную организацию духовенства. Производились большие архитектурные работы, требовавшие сотрудничества множества индивидуумов; приручались животные, разводились растения, было изобретено искусство письма. Изобретения и познания народов Старого Света были, повидимому, несколько многочисленнее и обширнее, чем изобретения и познания народов Нового Света, но не подлежит сомнению, что в общем их цивилизация стояла на приблизительно столь же высоком уровне ¹⁾. Этого для нас достаточно.

В чем же заключается различие между цивилизацией Старого и Нового Света? По существу это различие во времени. Первая достигла известной стадии развития на три или четыре тысячелетия раньше, чем вторая.

Хотя большей скорости развития Старого Света придавалось особое значение, однако, по моему мнению, она никоим образом не доказывает превосходства рас Старого Света, но достаточно объясняется законами теории вероятности. Когда два тела проходят один и тот же путь, с переменною скоростью двигаясь то быстро, то медленно, то чем длиннее проходимый ими путь, тем вероятнее, что в их относительном положении обнаружатся случайные различия. Так, напр., два ребенка, прожившие лишь несколько месяцев, оказываются весьма сходными по своему физиологическому и психическому развитию; юноши одинакового возраста отличаются друг от друга гораздо больше; а из двух стариков одинакового возраста — у одного силы могут еще вполне сохраняться, а другой может оказаться дряхлым, главным образом, вследствие случайного ускорения или замедления развития. Разница в продолжительности периода развития не означает еще качественной разницы между ними, обусловливаемой наследственностью.

Рассматривая таким же образом историю человечества, мы можем сказать, что разница в несколько тысяч лет не имеет

¹⁾ См. Ratzel, „History of Mankind“, а также Sophus Müller, „Urgeschichte Europas“.

значения по сравнению с продолжительностью существования человеческого рода. Время, потребовавшееся для развития существующих рас, может быть определяемо лишь путем догадок, но мы можем быть вполне уверены, что оно весьма продолжительно. Нам известно также, что человек существовал в восточном и западном полушариях в эпоху, продолжительность которой может быть определена лишь на основании геологических данных. Недавние исследования Пенка¹⁾ о ледниковом периоде в Альпах привели его к тому выводу, что с появления человека прошло более ста тысяч лет, и что цивилизация Магдаленской эпохи, характеризующаяся значительным развитием специализации, имеет за собой не менее, чем двадцатитысячелетнюю давность. Нет оснований полагать, что эта стадия была достигнута человечеством повсюду в один и тот же период времени; но мы должны принять за исходный пункт отдаленнейшие времена, в которые мы находим следы человека. Итак, разве имеет какое-нибудь значение, что одна группа в течение ста тысяч лет достигла той же стадии развития, которой другая группа достигла в течение ста четырех тысяч лет? Разве недостаточно истории жизни народов и исторических перемен для полного объяснения такого рода замедления, так что нет надобности и допускать различия в способностях народов к социальному развитию²⁾. Это замедление имело бы значение лишь в том случае, если бы можно было доказать, что, независимо от других условий, оно неоднократно встречается у одной и той же расы, тогда как у других рас наблюдается большая быстрота развития.

Тем не менее заслуживает внимания тот факт, что в настоящее время все члены белой расы фактически в большей или меньшей степени принимают участие в прогрессе цивилизации, между тем как цивилизация других рас оказалась неспособной распространиться среди всех племен или народов данной расы. Это вовсе не значит, что все члены белой расы были способны создать и развить зачатки цивилизации с одинаковой быстротой: нельзя доказать, что для родственных друг другу племен, которые развивались под влиянием цивилизации, созданной немногими членами этой расы, без этой помощи не потребовалось бы гораздо более продолжительного времени для достижения того высокого уровня, на котором они находятся в настоящее время. Однако это, повидимому, свидетельствует о замечательной способности к усвоению цивилизации, не проявлявшейся в такой степени ни у какой другой расы.

Итак, следует выяснить, почему племена древней Европы легко усваивали цивилизацию, тогда как в настоящее время мы наблюдаем, что первобытные племена приходят в упадок и вырождаются

1) A. Penck, „Das Alter des Menschengeschlechtes“. (Zeitschrift für Ethnologie, vol. XL, pp. 390 et seq.). Penck und Brückner, „Die Alpen im Eiszeitalter“ (Leipzig).

2) Th. Waiz, „Anthropologie der Naturvölker“, 2nd ed. vol. I, p. 381.

при соприкосновении с цивилизацией, вместо того, чтобы благодаря ей развиваться. Не является ли это доказательством более высокой организации обитателей Европы?

По моему мнению, нет надобности далеко искать причин этого факта, и не нужно предполагать, что эти причины заключаются в больших способностях европейских и азиатских рас. По внешнему виду первобытные и более цивилизованные люди древней Европы были сходны между собой. Поэтому не существовало основной трудности, препятствующей возвышению первобытных племен: отдельная личность, усвоившая себе более высокую цивилизацию, уже не считалась принадлежащей к низшей расе. Таким образом, в древности в колониях возможен был рост общества путем присоединения к нему личностей, вышедших из народа, культура которого была более примитивна.

Далее, опустошительное влияние болезней, свирепствующих ныне среди обитателей территорий, ставших недавно доступными белым, не было столь сильно, вследствие постоянного соседства народов Старого Света, всегда соприкасавшихся друг с другом. С другой стороны, захват Америки и Полинезии сопровождался занесением к уроженцам этих стран новых болезней. Страдания и опустошения, причиненные эпидемиями вслед за открытием вышеупомянутых стран, слишком известны, так что нет надобности их подробно описывать. Во всех тех случаях, когда численность населения уменьшается, в редко заселенной местности наступают почти полное расстройство экономической жизни и разрушение социальной структуры.

Кроме того, контраст между той культурой, представителями которой являются белые в новое время, и первобытной культурой гораздо глубже, чем контраст между древними культурными народами и теми, с которыми им приходилось соприкасаться. В настоящее время, главным образом благодаря колоссальному развитию фабричного производства, промышленность отсталых народов, неспособных конкурировать с производительностью, свойственной машинному производству белых, гибнет вследствие дешевизны и огромного количества продуктов, ввозимых белыми торговцами, между тем как в древности продукт ручного труда высшего качества конкурировал с продуктом ручного труда низшего типа. Когда для приобретения пригодных к употреблению орудий или изделий от торговца достаточно одного дня работы, между тем как для изготовления соответственных орудий или материалов самим туземцем понадобилось бы несколько недель, вполне естественно, что туземное население вскоре перестает заниматься более медленными и утомительными процессами.

Следует также принять в расчет, что в некоторых странах, особенно в Америке и в некоторых частях Сибири, первобытные племена подавляются численностью расы, переселяющейся в населенную ими страну и столь быстро вытесняющей их из их старинных убежищ, что не оказывается времени для постепенной ассими-

ляции. В древности, несомненно, не существовало такого громадного численного неравенства, как ныне наблюдаемое во многих странах.

Итак, условия для ассимиляции в древней Европе были гораздо благоприятнее, чем в тех странах, где в наше время первобытные народы соприкасаются с цивилизацией. Поэтому нам нет надобности предполагать, что древние европейцы отличались большею одаренностью, чем другие расы, не подвергавшиеся до недавнего времени влиянию цивилизации¹⁾.

Этот вывод можно подтвердить еще и другими фактами. В средние века арабы, несомненно, достигли более высокой стадии цивилизации, чем многие европейские нации в этот период. Обе эти цивилизации развились в значительной степени из одних и тех же источников, они должны быть рассматриваемы, как ветви одного и того же дерева. Арабы, являвшиеся носителями цивилизации, вовсе не были членами той же расы, к которой принадлежат европейцы, но никто не станет оспаривать их важных заслуг. Интересно наблюдать, каким образом они повлияли на негритянские расы Судана. В раннюю эпоху, главным образом между второй половиной восьмого века и одиннадцатым веком христианского летоисчисления, Судан подвергался нашествиям хамитских племен, и магометанство быстро распространилось в Сахаре и в западном Судане. С того времени возникали и разрушались в борьбе с соседними государствами обширные империи, и достигалась сравнительно высокая культура. Завоеватели вступали в браки с туземцами, при чем смешанные расы, из коих некоторые оказываются почти чисто негритянскими, поднялись высоко над уровнем других африканских негров. Один из лучших примеров этого представляет, быть может, история Борну. Барт²⁾ и Нахтигаль³⁾ ознакомили нас с историей этого государства, сыгравшего весьма важную роль в истории Северной Африки.

Почему же магометане были способны цивилизовать эти племена и поднять их почти до того уровня, которого сами они достигли, между тем как белые не были в состоянии в скольконибудь значительной степени повлиять на негров в Африке? Очевидно, это объясняется различием в способах распространения культуры. Между тем как магометане влияют на народы таким же образом, каким древние цивилизовали европейские племена, белые посылают в негритянские страны лишь продукты своих мануфактур и немногих лиц из своей среды. Подлинного смешения между

¹⁾ Georg Gerland, „Das Aussterben der Naturvölker“. F. Ratzel, „Anthropogeographie“ vol. II, pp. 330 et seq.

²⁾ Henry Barth, „Travels and Discoveries in North and central Africa“ (21. ed., London 1857—58, vol. II, pp. 253 et seq.; vol. III, pp. 425 et seq., 528 et seq.; vol. IV, p. 476 et seq., 579 et seq.).

³⁾ Gustav Nachtigal, „Sahara und Sudan“, vol. II, pp. 391 et seq. 601 et seq.; vol. III, pp. 270 et seq., 355 et seq.

более образованными белыми и неграми никогда не происходило. Смешение негров с магометанами особенно облегчается благодаря многоженству, при чем завоеватели вступают в браки с туземными женщинами и воспитывают своих детей, как членов своих семейств.

Распространение китайской цивилизации в восточной Азии можно сравнить с распространением древней цивилизации в Европе. Благодаря колонизации и смешению с родственными племенами, а в некоторых случаях истреблению мятежных подданных, за которыми следовала колонизация, установилось замечательное единообразие культуры на обширной территории.

Наконец, если мы рассмотрим низшее положение, занимаемое негритянской расой в Соединенных Штатах, хотя негры живут в теснейшем соприкосновении с современной цивилизацией, мы не должны забывать, что старое расовое чувство подчинения цветной расы по-прежнему сильно, и что оно оказывается ужасным препятствием для возвышения и прогресса этой расы, несмотря на то, что для нее открыты школы и университеты. Скорее мы могли бы удивляться тому, как много сделано в продолжение краткого промежутка времени в борьбе с тяжкими препятствиями. Вряд ли можно сказать, что стало бы с неграми, если бы они могли жить в совершенно одинаковых условиях с белыми. Рассмотрение шансов негров в Соединенных Штатах в труде мисс Овингтон ¹⁾ убедительно доказывает неравенство условий экономического прогресса для негров и белых даже и после уничтожения неравенства, устанавливаемого законами.

На основании вышеприведенных соображений мы приходим к следующему выводу: у разных рас развилась цивилизация, сходная по типу с той, от которой произошла наша собственная цивилизация. Некоторые благоприятные условия облегчили быстрое распространение этой цивилизации в Европе. Из этих условий сильнее всего влияли одинаковый физический внешний вид, близкое соседство, незначительность различий в способах производства. Когда впоследствии цивилизация начала распространяться и на других континентах, те расы, с которыми соприкасалась цивилизация нового времени, не находились в столь же благоприятном положении. Резкие различия расовых типов, предшествовавшая изолированность, обуславливавшая во вновь открываемых странах опустошительные эпидемии, и более значительный прогресс цивилизации делали ассимиляцию гораздо более трудной. Быстрое расселение европейцев по всему свету уничтожало все возникшие в разных странах и обещавшие дальнейшее развитие начатки. Таким образом, ни одной расе, за исключением восточно-азиатской, не было дано шансов для того, чтобы развить независимую цивилизацию. Распространение европейской

¹⁾ Mary White Ovington. „Half a Man, the Status of the Negro in New York“ (New York, Longmans, Green, and Co. 1911).

расы пресекало рост существовавших независимых зародышей, не считаясь с умственными способностями тех народов, среди которых оно совершалось. С другой стороны, мы видели, что нельзя придавать большого значения более раннему возникновению цивилизации в Старом Свете, которое удовлетворительно объясняется как случайный успех. Словом, исторические события, повидимому, гораздо более способствовали развитию цивилизации, чем способности различных рас, так что, следовательно, успехи рас не дают нам права предполагать, что одна раса даровитее другой.

Найдя таким образом ответ на первый из вышеуказанных вопросов, мы можем приступить к разрешению второго, а именно: насколько мы имеем право рассматривать те анатомические признаки, по отношению к которым иноземные расы отличаются от белой, как доказательство того, что эти расы оказываются низшими. В одном отношении ответить на этот вопрос легче, чем на предыдущий. Мы признали, что один успех не дает нам права предполагать у белой расы большие умственные способности, чем и других, если мы не в состоянии подтвердить наше предположение доказательствами. Из этого вытекает, что не следует истолковывать различий между белой расой и другими в смысле превосходства белой расы над остальными, если такого соотношения между ними нельзя доказать анатомическими или физиологическими данными.

Не лишнее пояснить примером легко и очень часто вкрадывающуюся логическую ошибку. В старательном исследовании, произведенном несколько лет тому назад, г. Р. Б. Бин¹⁾ демонстрировал известные характерные различия в форме всего мозга и его частей между балтиморским негром и балтиморским белым. Различия эти заключаются в форме и относительной величине лобной и затылочной долей и в величине мозолистого тела. Истолкование этого различия таково, что меньшие размеры передних долей и мозолистого тела указывают на низшее умственное развитие. Этот вывод был опровергнут Франклином П. Моллем²⁾. Здесь, где нас главным образом интересует логическая ошибочность таких выводов, достаточно обратить внимание на тот факт, что в результате сравнения длинноголовых и короткоголовых индивидуумов одной и той же расы, например, длинноголовых французов северной Франции и короткоголовых французов центральной Франции, получились бы подобного же рода различия, но что в таком случае не обнаружилось бы такой готовности вывести отсюда заключение относительно больших или меньших способностей.

Конечно, не подлежит сомнению, что в характерных физических чертах человеческих рас обнаруживаются значительные раз-

¹⁾ Robert Bennet Bean, „On a Racial Peculiarity in the Brain of the Negro“. (American Journal of Anatomy, vol. IV [1905].)

²⁾ F. P. Mall, „On Several Anatomical Characters of the Human Brain, said to vary according to Race and Sex, etc.“ (Ibid., vol. IX, pp. 1—32.)

личия. Цвет кожи, волосы и очертания губ и носа явственно отличают африканца от европейца. Следует разрешить вопрос: в каких отношениях находятся эти черты к умственным способностям расы? Этот вопрос можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, можно утверждать, что раса, у которой оказываются особенности, характерные для низших стадий в животном ряду, представляет во всех отношениях низший тип. Во-вторых, мы можем обратить внимание, главным образом, на центральную нервную систему и исследовать, выше ли ее анатомическое строение у одной расы, чем у другой.

Для выяснения первой точки зрения я упомяну о некоторых из образований в человеческом теле, признаваемых характерными для низших рас, так как они встречаются в качестве типичных черт развития у животных. Сюда относится изменение в форме височной кости, которая у человека обыкновенно отделена от лобной кости клиновидною и теменною костями. Оказывается, что у некоторых лиц височная кость занимает по отношению к клиновидной и к теменным костям больше места, чем обыкновенно, и соприкасается с лобной костью. Это преобладает у обезьян. Доказано, что это изменение встречается у всех рас, но не одинаково часто.

Особая форма большеберцовой кости, известная под именем платикнемия (поперечное сплющивание), наблюдалась на скелетах древнейших останков человека в Европе и также на скелетах различных рас. Другими характерными чертами, напоминающими низшие формы, являются особенности в образовании суставных поверхностей большеберцовой кости и бедра, найденные у некоторых человеческих типов: *к о с т ь и н к о в*, или кость, находящаяся между теменными костями и затылочной костью, встречающаяся у всех рас, но особенно часто у перуанцев и у обитателей древних пуэблосов; мелкие носовые кости и их срастание с верхней челюстью, так называемые *fossae praenasales*, и некоторые вариации в расположении артерий и мышц. Все эти изменчивые черты встречаются у всех рас, но степень изменчивости не везде одинакова. Вероятно, такие вариации могут быть рассматриваемы, как характерные черты человека, еще не успевшие стать устойчивыми, так что в этом смысле их можно признать все еще подверженными процессу эволюции. Если это истолкование правильно, то, повидимому, мы можем признать те расы, у которых характерные черты человека устойчивее, обладающими более высокой организацией.

Можно также классифицировать расы соответственно разным типичным чертам таким образом, что одна из них представляется наиболее удаленной от типов высших животных, а другие — менее. Во всех этих классификациях между человеком и животным оказывается значительный пробел, вариации же, наблюдаемые при переходе от одной расы к другой, незначительны по сравнению с этим пробелом. Так, мы находим, что, по сравне-

нию с черепом, размеры лица негров больше, чем размеры лица американца, размеры лица которого, в свою очередь, больше, чем размеры лица белого. Нижняя часть его лица имеет большие размеры. Альвеолярная дуга выдвинута вперед, получая таким образом вид, напоминающий высших обезьян. Нельзя отрицать, что эта черта составляет в высшей степени постоянный характерный признак черных рас, и что она представляет тип, несколько более приближающийся к животному, чем европейский тип. То же самое можно сказать и о широких и приплюснутых носах негров и монголов.

Если мы примем общие теории Клаача ¹⁾, Штраца ²⁾ и Шетенсака ³⁾, признающих австралийца древнейшим и наиболее обобщенным типом человека, то мы можем также обратить внимание на тонкие позвонки, на неразвитость кривизны позвоночного столба, на которые впервые обратил внимание Кеннингэм ⁴⁾, и на особенности ноги, напоминающие о животных, живущих на деревьях, ноги которых должны были служить для лазания с ветки на ветку.

Относительно истолкования всех этих наблюдений, необходимо обратить особое внимание на то, что те расы, которые мы привыкли называть «высшими», никоим образом не стоят во всех отношениях в конце ряда и не оказываются наиболее далекими от животных. У европейцев и у монголов самый большой мозг, у европейцев — небольшое лицо и выдающийся нос; все это черты, более удаленные от вероятного животного-предка человека, чем соответствующие черты других рас. С другой стороны, у европейцев имеются и низшие отличительные черты, свойственные австралийцам: и те и другие в сильнейшей степени сохраняют волосатость животного предка, тогда как специфически свойственное человеку развитие красных губ наиболее резко выражено у негров. Соотношения между частями тела у негров также более резко отличаются от соответствующих соотношений у высших обезьян, чем у европейцев.

Истолковывая эти данные с точки зрения современной биологии, мы можем сказать, что черты, специфически свойственные человеку, появляются у различных рас с переменною интен-

¹⁾ H. Klaatsch, „The Skull of the Australian Aboriginal“ (Reports from the Pathological Laboratory of the Lunacy Department, New South Wales Government, vol. I, part III [Sydney 1908], pp. 3—167); „Der primitive Mensch der Vergangenheit und Gegenwart“ (Verhandlungen der Gesellschaft deutscher Naturforscher und Aerzte, 80 Vers zu Köln, part I, p. 95; Anatomische Hefte, 1902.

²⁾ C. H. Stratz den Haag, „Das Problem der Rasseneinteilung der Menschheit“ (Archiv für Anthropologie, N. S., vol. I, pp. 189 et seq.).

³⁾ Otto Schoetensack, „Die Bedeutung Australiens für die Heranbildung des Menschen aus einer niederen Form“ (Zeitschrift für Ethnologie, vol. XXXIII [1901], pp. 127 et seq.).

⁴⁾ D. I. Cunningham, „The Lumbar Curve in Man and Apes“ (Cunningham Memoirs [Dublin 1886]).

сивностью и что отклонение от животного-предка развилось в различных направлениях.

Раз даны все эти различия между расами, возникает вопрос: имеют ли они какое-либо значение по отношению к умственным способностям? В данный момент я могу позволить себе не касаться различий в величине и в структурном развитии нервной системы и ограничиться значением других черт для умственных способностей. Общая аналогия умственного развития животных и человека побуждает нас приводить низшие умственные черты в связь с зверообразными чертами. Мы должны, однако, различать здесь между теми характерными анатомическими признаками, о которых мы говорили, и развитием мускулов лица, туловища и членов, вызванным привычною деятельностью. В руке, никогда не употребляемой для родов деятельности, требующих такого утонченного приспособления, которое характерно для психологически сложных действий, не окажется формирования, вызываемого развитием каждого мускула. В лице, мускулы которого не отзывались на нервные возбуждения, сопровождающие глубокие мысли и утонченные чувства, окажется недостаток индивидуальности и утонченности. Шея, выдерживавшая тяжелые грузы и не выполнявшая разнообразных требований деликатных изменений положения головы и тела, покажется массивной и неуклюжей. Эти различия, относящиеся к физиономии, не должны сбивать нас при наших истолкованиях. Но даже и без них мы склонны делать выводы относительно умственной жизни на основании отступающего назад лба, грузной челюсти, больших и тяжеловесных зубов, а пожалуй даже и на основании чрезмерной длины рук или необычного развития волосатости.

Со строго научной точки зрения эти выводы, повидимому, вызывают в высшей степени серьезные сомнения. Относительно этих проблем были произведены лишь немногие исследования, но их результаты оказались вполне отрицательными. Важнейшее из этих исследований, — сделанная Карлом Пирсоном ¹⁾ тщательная попытка исследовать отношение ума к величине и форме головы. Его выводы столь важны, что я повторю их здесь: «По моему мнению те, которые а priori считают вероятной такую связь, должны были бы доказать, что иные измерения и более тонкие психологические наблюдения привели бы к более определенным результатам. Меня лично результат настоящего исследования убедил в том, что у человека мало связи между внешними физическими и психическими характерными чертами». По моему мнению, все произведенные до сих пор исследования заставляют предполагать, что на самом деле не оказывается никакой прямой связи между характерными признаками систем костной,

¹⁾ Karl Pearson, „On the Relationship of Intelligence to Size and Shape of Head, and to other Physical and Mental Characters“ (*Biometrika*, vol. V, pp. 136 et seq.).